Внизу, в сырой, затхлой комнате, бедная пленница томилась в мрачном подземелье. Кто приносил ей сюда еду, она не знала. Утром она всегда находила стоявшую у стены корзину с едой, которую каким-то образом опускали сюда, пока она спала.

Бедная женщина лишь машинально принимала еду и питье. Она ужасалась этой жалкой жизни, но все же не хотела умирать, она хотела выдержать ради своего ребенка!

Возможно, Бог сжалится над ее участью и совершит чудо, которое принесет ей спасение и свободу! Он, не желавший, чтобы ее юная жизнь оборвалась в пруду, не оставит ее сейчас в ее страданиях!

Разве Ульрих Ганс не станет ее искать? Он знал, что она отправилась в замок!

Ульрих все еще любит ее, он не успокоится, пока не найдет ее. Все ее надежды возлагались на него.

Так она проводила целые дни, плача и причитая, и не могла заснуть ночами. Ее ребенок — ее Гарольд — это была ее единственная мечта, ее томление, которое угнетало ее сердце.

И снова она сидела, горько рыдая, на своей соломенной постели, как вдруг шум заставил ее подняться. Она прислушалась на мгновение, затем поднялась и тихонько пошла в ту сторону, откуда донесся звук.

Но не добравшись до стены, она услышала тихий треск, как будто сработал какой-то механизм, а затем обнаружила на полу корзину с едой, которая, словно появилась из ниоткуда.

Значит, здесь открывался потайной вход! Вдохновленная мыслью о том, что здесь, возможно, находится путь к свободе, она принялась беспрестанно шарить руками по стене и по полу.

Но все ее попытки отыскать секретный проход оказались безрезультатными, и наконец, смертельно уставшая, она вернулась на тюк соломы и провалилась в глубокий сон.

Но как только она проснулась на следующее утро, она с еще большим упорством продолжила свои поиски.

В своем рвении она не заметила, как пролетело время. Время от времени ей приходилось отдыхать, потому что поиски изматывали ее.

Прошел день, наступил вечер, и Герда в отчаянии облокотилась о стену, сложив руки в молитве. Из ее уст доносились тяжелые вздохи: теперь она была вынуждена признать, что все ее усилия оказались напрасными.

— Отец небесный, — думала она, — неужели ты совсем забыл о своем несчастном слепом дитя? Что я сделала такого, что заставило тебя разочароваться во мне? Конечно, ты добрый Господь — о, позволь мне еще раз прославить твою доброту!

Затем она услышала позади себя скрип, и сразу же после этого она издала тихий крик.

О Боже, что это было?

Позади нее стена внезапно расступилась, и она непременно упала бы, если бы не ухватилась за стену. Сначала она не поняла, что происходит. Спотыкаясь, она попятилась назад и вдруг почувствовала дуновение ветерка, подувшего на нее.

Великий Боже, неужели ее молитва была услышана, неужели она нашла выход из своей темницы?

Воистину, это был не сон! Оглядевшись вокруг, она обнаружила, что перед ней проход. Но как же она смогла вырваться из

из подземелья? Неужели ее руки случайно коснулись — того— места, где приводился в движение механизм потайной двери?

Но сейчас у нее не было времени размышлять об этом. Трепеща, она поспешила дальше, думая только об одном: прочь отсюда, пока не подоспел враг и не помешал ей бежать!

В конце коридора она вдруг наткнулась на дверь. Поскольку ключ находился в замке, она открыла дверь и вышла наружу. Когда свежий, прохладный ночной воздух подул на нее, в глазах спасенной появились яркие оттенки зеленого, и, воздев обе руки к небу, она, заикаясь, произнесла:

— Господи, Господи, я благодарю Тебя, что Ты помиловал мою душу!

Прижав руки к бешено бьющемуся сердцу, она жадно вдохнула ночной воздух.

Но что теперь? Что делать? Бежать куда глаза глядят? А как же дитя! Нет, без ребенка она не уйдет. Без сына ее жизнь и свобода ничего не значат.

— Гарольд, мое милое дитя, твоя мать идет за тобой! — шептала она про себя, счастливо улыбаясь. — Отныне не будут укладывать тебя в постель чужие руки, нет, ты будешь отдыхать у преданного, доброго сердца твоей матери!

До сих пор слепая женщина медленно шагала в темноте густых деревьев, но теперь — дрожь невыразимой радости пронеслась по ее телу — она все больше и больше осознавала, что зрение к ней постепенно возвращается. Она не только видела тусклый свет луны, но и различала темные очертания деревьев и кустов.

Автоматически она понемногу продвигалась вперед, как вдруг оказалась на поляне, залитой серебристым светом луны.

Для несчастной, измученной женщины это было слишком большим счастьем — она обрела свободу, и к ней возвратилось зрение!

Мазь матери лесничего и полная темнота в подземелье башни, которая окружала ее, оказали благотворное влияние на больные глаза.

Когда она все еще стояла в нерешительности, не зная, в какую сторону повернуть, она вдруг услышала раздавшиеся шаги по гравию дорожки. Испугавшись, она скрылась за кустом. Между ветвями она увидела мужчину, который медленно подошел к скамейке и устало на нее сел. Но она не могла разглядеть его черт лица, только очертания фигуры.

Тогда властный голос громко позвал:

— Ко мне, Гектор! Лежать!

Большой куриный пес бросился к нему, но не лег, а принюхивался к воздуху, словно учуяв какой-то запах, и только после очередной команды хозяина улегся рядом с ним.

Но колени Герды вдруг дрогнули; только с трудом она сдержала крик. Это был он — Ганс, сидевший здесь в одиночестве; она узнала его по голосу.

Задыхаясь, она ухватилась за ствол дуба, чтобы не упасть на землю. Всего один ее крик, и он узнает, что она, та, которую считают мертвой, жива!

Несколько секунд она стояла на месте, затаив дыхание и неподвижно глядя в ту сторону, где виднелась его черная тень. Но затем, словно подгоняемая высшей силой, она медленно шагнула вперед.

Граф только что вернулся с охоты и устало расположился здесь, чтобы немного отдохнуть перед тем, как отправиться домой. Положив голову на руки, он задумчиво смотрел перед собой. Он снова задумался о том выстреле в брачную ночь, который все еще оставался для него неразрешенной загадкой.

Затем негромкий шум заставил его внезапно поднять глаза, и там, под деревьями, он увидел стоящую в тени женскую фигуру.

Он неподвижно уставился на нее. Неужели это плод его воображения?

Но в следующий момент из его рта вырвался хриплый звук. Графиня как раз сделала шаг вперед, так что лунный свет ярко падал на ее черты.

В ужасе граф уставился на ночное наваждение, в котором угадывались черты его умершей жены. Пот от страха выступил на его лице. Он хотел было вскочить, но его ноги были парализованы.

Теперь зловещее привидение угрожающе подняло над ним руку, и дрожащий голос воззвал к нему:

— Горе тебе, граф Штайнах, что ты наделал! Ты предал свою слепую жену и пал настолько низко, что преданная тобой женщина решилась утопиться! Свою любовницу ты повел к алтарю, но не жена она тебе, ибо — твоя первая жена не умерла; она спаслась и жива!

Наконец-то оцепенение, которое до сих пор охватывало графа, прошло. С хриплым криком он вскочил на ноги и устремился вперед навстречу странному явлению. Но не успел он добежать до него, как оно вдруг исчезло, словно туманный образ.

Застонав, он схватился за лоб. Конечно, это была лишь иллюзия его взволнованных чувств, иначе и быть не могло! Герда умерла, а мертвые не возвращаются! Он свистнул собаке, которая, поскуливая, бросилась в кусты.

Животное немедленно вернулось, но уже собиралось повернуть назад — как удар хлыста заставил его пугливо попятиться.

Словно преследуемый фуриями, граф Штайнах помчался к замку. Запыхавшись, он добрался до замка, сопровождаемый собакой, и уже собирался поспешить в свою комнату, как вдруг из дверей вышла Уолли.

Она бросилась к нему с радостным возгласом:

— Ах, наконец-то ты вернулся!

Но слова замерли на ее губах, когда она взглянула в его белоснежное лицо.

— Боже мой, Ганс, что с тобой? Почему ты так выглядишь?

При этих словах она хотела нежно обнять его. Но возбужденный мужчина почти с силой оттолкнул ее.

— Оставь меня! — задыхался он. — Мне необходим покой, я неважно себя чувствую!

И прежде чем она поняла, что произошло, он поспешил мимо нее в сторону своей комнаты.

Пораженная, она посмотрела ему вслед. Что это могло означать? Он никогда раньше не был так груб с ней. Что с ним случилось?

Она не могла и предположить, что призрак покойной жены напугал его и разбудил совесть.

Пока граф находился в своей комнате, пытаясь справиться с ужасом, который все еще охватывал его, Герда пряталась в кустах и горько плакала.

Какая-то высшая сила заставила ее, подобно призраку, обратиться к неверному и беспутному графу, который наслаждался счастьем любви в объятиях сообщницы и больше не вспоминал о ней. Почти бессознательно она выкрикнула ему эти обвинительные слова и, только когда заметила, что он собрался броситься к ней, поспешно скрылась.

Но когда же граф, решив, что разыгравшееся воображение его обмануло, не стал преследовать ее больше, верный Гектор бросился к ней в кусты и, скуля от радости, стал облизывать ей руку, покуда свисток хозяина не позвал его обратно.

Но как же эта встреча с человеком, которого она когда-то так сильно любила, снова разбередила все раны в ее сердце и заставила их кровоточить!

Вдруг мысль о ее ребенке снова промелькнула в ее голове и заставила забыть обо всем на свете.

Она хотела попытаться тайком унести маленького Гарольда из дома, как только там все уснут, а потом вместе с ним навсегда уехать из замка, где ее свобода, и даже жизнь, находились под угрозой.

При мысли о том, что сегодня она сможет прижать своего любимца к сердцу, бедная женщина почувствовала безмерную радость. Но чтобы не разрушить свой план, войдя в замок слишком рано, она дождалась, пока не убедилась, что в замке все спят.

Только когда рожок ночного сторожа возвестил в деревушке полночь, она осторожно двинулась вдоль деревьев к дому.

Обойдя замок, Герда открыла заднюю дверь на первый этаж, которая открывалась при помощи механизма о котором почти никто не знал.

В замке царила глубокая тишина. Поскольку Герда знала здесь каждую ступеньку и каждую дверь, она осторожно шагнула в темноту, тихо поднялась по лестнице и, наконец, встала перед дверью в детскую комнату.

Внутри ничего не шевелилось, только храп няни доносился до ее ушей. Она тихо отперла дверь и вошла в комнату, которая была тускло освещена маленьким ночником. Вон там, у стены,

стояла кровать ее ребенка. О, как колотилось ее сердце, когда она подошла к нему с дрожащими от волнения коленями!

Теперь она стояла перед его кроватью. Малыш спал глубоким сном, она слышала его ровное дыхание.

Внезапно в ее сердце закрался страх. Господи, если ребенок закричит, как только она возьмет его на руки, тогда все пропало!

— Отец Небесный, помоги мне! — заикаясь от страха, произнесла она. Но затем, с отчаянной смелостью, она быстро наклонилась и, сжав губы, осторожно просунула руки под теплое тельце ребенка.

Испарина от страха выступил у нее на лбу, когда она тихонько приподняла его. Он пошевелился, но не издал ни звука.

Наконец-то она держала его на руках, своего родного, все ее! И теперь она осторожно скользнула обратно к выходу.

Вздохнув с облегчением, она поспешила с ним вниз по лестнице так быстро, как только могла, и тут же снова оказалась на открытом воздухе.

— Теперь у меня снова мой ребенок, мое любимое дитя! — заикалась она, словно пьянея от радости, и слезы счастья катились из ее глаз на ручки малыша.

Охваченная счастьем, она поспешила дальше. О, что она не могла видеть, так это, как выглядел ее маленький Гарольд! Она могла различить только очертание его головки и больше ничего.

— Благодарю Тебя, Отец небесный, что Ты вернул мне моего любимца! — ликовала она от счастья в своей душе. — Я буду стойко переносить все, что Ты посылаешь мне, теперь, когда мой сынок вновь со мной.

О, как она радовалась теперь, когда перед глазами у нее был хотя бы какой-то проблеск и она могла видеть, куда ступает! Поэтому она быстро зашагала вперед. Инстинктивно она направилась в ту сторону, где жил Ульрих Ганс: его дом оставался для нее единственным убежищем.

Наконец-то она добралась до цели своих ночных скитаний и теперь стояла перед маленьким домиком Ульриха и его замечательной матери. В доме крепко спали, поэтому ей пришлось сильно дернуть за дверной звонок.

Прошло совсем немного времени, как наверху открылось окно, и дрожащий женский голос задыхаясь спросил:

— Это ты, Ульрих?

— О нет, это я — Герда! — раздался робкий ответ.

— О Боже, Боже, значит, это все же не он! — услышала графиня испуганный возглас матери Ульриха, и смутный страх закрался в ее сердце.

Тотчас же к входной двери приблизились шаркающие шаги. Дверь отворилась, и мать Ульриха

предстала перед слепой женщиной.

Не сердитесь на меня, госпожа Хансен, — трогательно умоляла Герда, — что я потревожила ваш сон. Меня несколько дней держали в плену, и вот сегодня я сбежала, и ищу пристанища здесь, у вас! Не дадите ли вы мне и моему ребенку приют на несколько дней?

— Нет, больше твоя нога не ступит на мой порог! — сурово и резко прозвучал голос вдовы. — Ты уже причинила столько сердечной боли моему сыну, что я жалею о том дне, когда он впервые увидел тебя! Ради тебя он схоронил себя здесь, в пустоши, потому что не может смириться с тем, что ты предпочла ему другого! А я, старая женщина, должна была видеть все его душевные муки! Боже небесный, что же эта безнадежная любовь сделала с моим жизнерадостным Ульрихом!

Но этого было недостаточно — еще большее несчастье должно было обрушиться на нас из-за тебя! С тех пор как ты ушла отсюда, он не знал покоя; через два дня он отправился в замок, чтобы узнать о твоей судьбе, и с тех пор — мой бедный Ульрих бесследно исчез.

С испуганным криком Герда отпрянула назад.

— Боже правый, что с ним могло случиться? — заикаясь, прошептала она, побледнев от страха и дрожа всем телом.

Старуха мрачно посмотрела на испуганную девушку. — Неужели из-за тебя я потеряю моего сына, единственное, что у меня осталось в этом мире? — прозвучало душераздирающее причитание из уст старухи. — Мы жили здесь так мирно и тихо вместе. Потом ты вдруг снова появилась в нашем доме, и я сразу же почувствовала, что из-за тебя на нас обрушится новое несчастье. Так и случилось; мой бедный сын ушел навестить тебя — и больше не вернулся!

Охваченная горем, несчастная старуха закрыла лицо руками, и зарыдала. Глаза Герды тоже наполнились слезами, она подошла к ней ближе.

— О, госпожа Хансен, — воскликнула она потрясенно, — я чувствую вашу боль и как вы страдаете! О, если бы Ульрих не достал меня тогда из воды — от скольких душевных мук мы все были бы спасены!

Говоря так, она протянула руку фрау Хансен, с жалостью, но та жестом отстранила ее.

— Ваши причитания не вернут мне сына! Я часто бываю близка к безумию, блуждая по улицам, тщетно его ищу, выкрикивая его имя и не получая никакого ответа! О Боже, неужели я никогда его не увижу!

Преодолев свое негодование, она продолжила, вставая во весь рост:

— Поищите себе жилье в другом месте, графиня; отныне для вас нет места в моем доме! Ваша нога никогда больше не переступит этот порог!

— Помилуйте! — в отчаянии вскричала Герда. — Что я вам сделала? Разве мое безграничное несчастье не смягчает ваше сердце? Разве я виновата в том, что Ульрих не вернулся домой?

Посмотрите на меня, как я слаба и несчастна; я едва могу идти дальше! И если вы не сжалитесь надо мной, то сделайте это ради моего ребенка и дайте мне приют хотя бы на одну ночь!"

— Ни на секунду! — сурово прозвучало из уст ожесточенной матери. — Верни мне моего Ульриха, и тогда, да, тогда я преодолею свою обиду на тебя!

Скорее от душевного, чем от физического переутомления Герда пошатнулась; со стоном она рухнула на колени. Однако старуха отвернулась; горе и боль полностью изменили эту прежде добросердечную женщину. Дрожа, она плотнее натянула шаль на плечи, бесшумно вернулась в дом, и дверь громко захлопнулась на замок.

Герда в отчаянии зарыдала. Бездомная, она теперь осталась лежать на улице вместе со своим ребенком. Малышка начинала волноваться. Тогда она снова взяла себя в руки и стала качать его на руках, пока он, наконец, не уснул.

— Что же мне теперь делать? — спрашивала она себя. Ночной холод пронизывал ее тонкие одежды; она не могла оставаться на улице, но где она могла найти укрытие?

Где мог остановиться Ульрих?

Ледяной страх внезапно охватил ее сердце. Мог ли он попасть в руки ее заклятого врага? Уолли была способна на все, она безжалостно расправлялась со всеми, кто стоял на ее пути.

Теперь мысли Герды обратились к ребенку. Если бы Уолли заметила исчезновение мальчика, разве она не оповестила бы немедленно весь замок, чтобы они могли погнаться за ней и отобрать у нее ребенка?

Эта мысль привела бедняжку в трепет от ужаса, и она тут же метнулась в сторону кустов вместе с малышом, как будто там она чувствовала себя под надежной защитой.

Она не знала, куда несут ее ноги, пока вдруг, выйдя на поляну, не подошла к хижине, в которой, вероятно, находились лесные рабочие. О, она так устала и мечтала наконец-то отдохнуть.

Она нажала на дверную ручку — слава богу, дверь отворилась. Однако в тот же миг раздался истошный крик в два голоса.

Герда думала, что хижина окажется пустой, но теперь, при тусклом свете свечи, воткнутой в горлышко бутылки, она увидела очертания человека, который молниеносно вскочил со своего лежака.

Это был любовник Уолли!

Курт сразу же узнал ее, и он сильно испугался, не в силах объяснить, как слепой графине удалось сбежать из башни.

— Что вы здесь ищете? — спросил он нарочито спокойным голосом.

— Только кров для меня и моего ребенка! — умоляла она слабеющим голосом. — Я не могу идти дальше, господин, я так устала!

Курт уже пришел в себя.

— Ну, тогда входите! — ответил он с напускным дружелюбием.

Авантюрист, которого ночь в лесу застала врасплох и у которого, вероятно, имелись веские причины оставаться незамеченным, устроил себе жилище в этой отдаленной и

полуразрушенной хижине, куда редко ступала нога человека.

Внутренне радуясь, что слепая графиня только что попалась ему в руки, он провел ее в хижину и быстро зажег свет. Тем временем Герда, осторожно озираясь по сторонам, нашла на полу охапку соломы и опустилась на нее, смертельно усталая.

— Бедная женщина, кажется, вы и вправду измучены! — сказал он с притворным сочувствием. -Конечно, вы также хотите есть и пить? Вы можете попить воды, но, боюсь, здесь нет ничего съедобного!

С этими словами он налил воды из жестяного кувшина в жестяную кружку, которую она опустошила одним махом.

— Большое спасибо! — сказала она, вздохнув с облегчением, — Голод не так сильно беспокоит меня. Если бы только у меня было немного молока для моего ребенка! Но ведь это совершенно невозможно сейчас, посреди ночи!

— Вовсе нет! — ответил Курт, который смотрел на нее пристально и исподлобья, и в голове которого роились недобрые мысли. — Я могу достать вам немного молока; я знаю одного фермера неподалеку, который сразу же даст мне его, если я его попрошу!

На бледном лице Герды промелькнул радостный огонек.

— О, если бы это только было возможно! — воскликнула она оживленно. — И после того, как я потревожила ваш сон, вы еще хотите поехать в деревню ради меня?

— Если уж на то пошло! — рассмеялся он. Но этот смех так поразил Герду, что ей вдруг стало не по себе.

Курт уже надевал на голову свою шляпу.

— Так что я сейчас ухожу, но ради пущей безопасности я хочу запереть дверь снаружи, чтобы никто не мог войти! — заявил он. — Вряд ли мне потребуется больше получаса!

И, не дожидаясь ее ответа, он поспешил прочь.

— Ха-ха-ха, как Уолли будет рада, что ее графинюшка только что кинулась в мои объятия! — торжествующе сказал он. — Надо сразу же сообщить ей об этом. Она, вероятно, еще даже не знает, что птичка упорхнула от нее!

Внутри Герда с трепетом в сердце слушала его удаляющиеся шаги. И откуда взялся страх, который теперь снова терзал ее сердце? Этот человек, несомненно, желал ей добра, иначе он не согласился бы поехать.

И все же — его смех все еще звенел у нее в ушах! Где она слышала его раньше? Да и голос его был ей не чужим! Качая малыша, который снова начал вести себя беспокойно, она задумалась.

— Да, мой милый, — прошептала она, когда малыш снова зашевелился, — ты хочешь молочка! Потерпи полчаса!

Но словно ребенок хотел, чтобы она поняла, что это слишком долго, он вдруг начал громко кричать.

При первом же звуке Герда резко вздрогнула. О боже, что это такое? Неужели это не голос ее

Гарольда?

Безумный страх охватил несчастную женщину. Она прислушивалась и прислушивалась — нет, нет, звуки казались ей совершенно незнакомыми! Ее охватила дрожь. Она поспешно расстегнула на малыше кофточку и рубашку.

Почти теряя сознание от страха, она дрожащей рукой нащупала его правое плечо. Вскрикнув от ужаса, она в следующее мгновение отпрянула назад.

Возвышения, которое она искала, там не было!

Значит, она украла чужого ребенка! От этого открытия она чуть не упала на пол.

— Боже милосердный, — вскричала она, — если это не мой ребенок, которого я унесла с собой из замка, то чей же он? И куда делся мой маленький Гарольд? Может быть, преступница убрала его с дороги?

Эта мысль почти лишила бедную женщину рассудка. Пытаясь не потерять сознание, она опустилась прямо на пол.

http://tl.rulate.ru/book/92712/3101516